

ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН В ЛЮБОВНЫХ ПЕСНЯХ

Мартина Боцанова

Доктор философии,
ученый секретарь,
философский факультет,
Университет Святых Кирилла
и Мефодия в Трнаве
Почтовый адрес: Площадь Й. Герды, д. 2,
Трнава, 917 01, Словакия
Электронный адрес: martina.bocanova@ucm.sk

Аннотация

Любовные песни — один из наиболее популярных песенных жанров в Словакии. Они и сегодня являются частью актуального исполняемого певческого репертуара и составляют самую многочисленную группу песен на территории нашего государства. Среди общего числа любовных песен можно выделить достаточное количество произведений, в которых различные виды отношений между молодыми людьми развиваются на фоне определенных социальных ситуаций. Таким образом, у нас есть возможность не только познакомиться с тем, как был передан пережитый эмоциональный опыт отдельных этапов любви, будь то влюбленность, счастливая или же несчастная любовь, но и проанализировать социальный контекст, отраженный в данном типе песен, пускай и не на первом плане. И хотя в любовных песнях основная тема — любовь, мы находим и другие мотивы, повествующие о жизни в патриархальном обществе, его системе ценностей, предпочтениях и авторитетах, повлиявших на выбор пары. Песни такого типа не лишены и негативных деталей: насилие в браке, алкоголизм у мужчин; у женщин, как правило, измены или потеря девственности. Народная песня не только эмоционально описывает подобные ситуации, но и дает оценку происходящему в соответствии с установками и законами общества, в котором эти песни возникли. Потому мы видим не только счастье и несчастье, но вместе с тем покорность и примирение с ситуацией, которая закладывается и поддерживается системой. Цель данной статьи — обозначить возможные тематические области в общей группе любовных песен, а также определить методы, которыми песни поддерживали и одобряли систему, в которой создавались.

Ключевые слова

Любовная песня, социальная поэзия, иерархия, авторитет, патриархальный строй

Статья поступила в редакцию 18 октября 2021 г.

Цитирование: *Боцанова М.* Образы социальной реальности жизни женщин в любовных песнях // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2021. Т. 16. № 3–4. С. 53–82. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.04>

THE IMAGE OF THE SOCIAL REALITY OF WOMEN'S LIVES IN LOVE SONGS

Martina Bocánová

Ph. D., Academic Secretary,
Faculty of Arts, University of Ss. Cyril
and Methodius in Trnava
Postal address: Nám. J. Herdu, 2,
Trnava, 917 01, Slovak Republic
E-mail: martina.bocanova@ucm.sk

Abstract

Love songs in Slovakia have always been among the most popular and remain part of the live vocal repertoire even today. In love songs, we can distinguish several themes that accentuate the various phases of love from first love, to dating, to fulfilled or disappointed love. In this type of song, where the central theme is love, other motifs are also expressed that testify to the patriarchal society and its system of values, preferences, and the power of the authorities that influenced the life of the partner and the choice of the spouse. Songs of this type do not avoid the negative elements either — they include themes such as the struggle of marriage or alcoholism for men, whereas for women the most common themes are infidelity or the loss of virginity. Folk songs not only describe these situations in emotional, characteristic ways, but also take an attitude towards them that is consistent with the attitudes and laws of the society from which they originate. Therefore, we feel in them not only happiness and unhappiness, but also resignation and reconciliation with the situation, which is set up and supported by the system. The traditional patriarchal society in Slovakia, in which the songs originated and survived, has left its mark on love songs in an unmistakable way. Although indirect naming, euphemism, and aestheticization of negative phenomena are often used in accordance with the poetics of a love song, the informative value of the songs is obvious. While the understanding of the content of the lyrics of existing songs cannot be left unnoticed, the fact that songs about conjugal love in the Slovak environment are only recorded to a minimal extent is also significant. The content analysis of the songs, taking into account the wider social and historical context, provides insight not only about the reality of life, but also about the emotional attitude of the people who lived in the system that determined their fundamental life decisions.

Keywords

Love song, social poetry, hierarchy, authority, patriarchal system

Received 18 October 2021

How to cite: Bocánová, M., 2021. Obrazy sotsial'noi real'nosti zhizni zhenshchin v liubovnykh pesniakh [The Image of the Social Reality of Women's Lives in Love Songs]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 53–82. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.04>

В прежние времена, да и в немалой степени в наши дни, выбор супруга являлся одним из наиболее важных решений человека, которое до недавнего времени рассматривалось как выбор на всю жизнь¹. В традиционной патриархальной семье выбор пары подчинялся практическим потребностям обеих семей в гораздо большей степени, чем позднее, во второй половине XX в., когда образование и изменившиеся социально-экономические факторы столь сильно повлияли на социальную ситуацию, что восприятие брака как договора, обеспечивающего выживание и стабильность новой семьи, постепенно отошло на второй план.

После сватовства (смотрин)², на которых выяснялись имущественные и иные возможности другой семьи, а также готовность молодых людей создать союз³, делали публичные объявления, что означало официальное подтверждение выбора будущей пары. Сватовство обычно проводилось тайно, и сваты, как правило, в первый раз не получали ответа⁴. Помолвка проходила не только в кругу семьи, но и публично объявлялась в приходской канцелярии, что придавало всему акту надлежащую серьезность и обязательную силу для обеих сторон. В домашнем кругу помолвка традиционно подтверждалась пропоем, рукобитием, ритуальными речами, скреплявшими клятву, и подарками⁵. В отличие от смотрин, помолвка носила более официальный характер. Особое значение имели символические действия: жених и невеста подавали друг другу руки, иногда обменивались кольцами. В некоторых славянских областях⁶ сватовство и помолвка слились в один акт, в котором важную роль играли взаимный обмен подарками и символическое значение происходящего. Данные действия мы понимаем как обрядовые правовые акты с высокой степенью директивности⁷.

¹ Svatební rituály u nás a ve světě / ed. J. Jiroušková. Praha: NLN, 2012. S. 21–26.

² Сватовство — обряд, цель которого — получение согласия на свадьбу. Сватовство проходило в доме родителей девушки. На нем присутствовали сам юноша (который оставался пассивным), его крестный отец и родители девушки. Во время сватовства пользовались аллегорической речью и общались знаками. Важно было получить согласие семьи девушки. Положительный ответ выражался подарками, угощениями и тостами. Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska / ved. red. kol. J. Botík. Bratislava: Veda, 1995. S. 99–100.

³ Более подробно о новых формах и сохранившихся традициях можно прочесть здесь: *Leščák M.* Pramene k obyčajovej tradícii a sviatkovaniu na Slovensku na konci 20. storočia. Bratislava: Prebudená pieseň, 2006.

⁴ Целью было выяснить, готовы ли родители отдать девушку в новую семью и согласна ли она. Исходя из этого принималось решение, должны ли явиться следом официальные сваты. *Komorovský J.* Tradičná svadba u Slovanov. S. 73.

⁵ *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin: Matica slovenská, 2006. S. 139–143.

⁶ *Komorovský J.* Tradičná svadba u Slovanov. S. 87–89.

⁷ Если данные обещания опирались на сакральные представления (например, священный обряд с хлебом) или нормы обычного права, они имели достаточную

В прежние времена выбор жены или мужа не мог быть случайным, и уж точно он не был проявлением воли и личных симпатий юношей и девушек. Само собой, молодые люди пытались повлиять на выбор будущего супруга или хотя бы заранее узнать, кто это будет. В основном они использовали для этого магические ритуалы⁸. Но на практике их голос не был решающим. Брак был важным шагом не только для отдельного человека, но и для всей его семьи, ведь один из ее членов символически навсегда покидал родную семью и переходил в семью новую. Выбор пары определял судьбу молодых людей на протяжении всей последующей жизни⁹, поскольку брак считался нерасторжимым, скрепленным как законом человеческим, так и Божьим благословением, а также взаимными обязательствами обеих семей.

В народных песнях нашли свое отражение самые разные формы любви: счастливой и несчастной, осуществившейся и несбывшейся. Словацкие любовные песни раскрывают тему любви широко, описывая не только человеческие чувства, но и обстоятельства, которые помогли им расцвести. При этом нет недостатка и в изображении тех, кто эти чувства подавил. В песнях мы находим множество символов, сравнений и метафор, связанных с любовной тематикой. Для нашего исследования крайне важно, чтобы песня формировалась и развивалась не изолированно, но в прямой связи с жизнью людей, отвечала их потребностям, передавала жизненные ситуации, с которыми люди столкнулись и частью которых стали. Любовная, социальная и семейная темы сплелись и взаимно обогатили друг друга, что помогло рельефно отобразить опыт часто сложных ситуаций и судьбоносных решений, которые повлияли на судьбу человека и целых семейств.

Песни, описывающие эмоциональную жизнь человека, составляют важную категорию в рамках словесной народной культуры. Любовная тема часто не только служит источником вдохновения при создании песен, но и составляет основу многих прозаических жанров, даже если поначалу это не акцентируется. В любовных песнях переработано немало сюжетов. Наиболее часто мы фиксируем образ желания любви и неисполнение этого желания, поскольку молодые люди не имели возможности самостоятельно решать вопросы, связанные с браком, так как это право принадлежало их родителям. Несчастливая любовь, ожидание возлюбленного, ушедшего на войну, разлука, когда девушку выдают замуж или женят юношу, являются благодатными сюжетами, которые ярко в эмоциональном плане рас-

---

юридическую силу. Если обычное право и священные обряды не имели надлежащего веса, помолвка нуждалась в официальном подтверждении светской или церковной власти, см.: *Komorovský J. Tradičná svadba u Slovanov. Bratislava: Univerzita Komenského, 1978. S. 89.*

⁸ *Bocánová M. Lúbostná mágia — magické predmety a mágia slova v archívnych materiáloch z Vošáckej doliny z druhej polovice 19. storočia // Slovácko 2020. 2021. Roč. 62. S. 47–63.*

⁹ *Jakubíková K. Pohlavná a veková diferenciácia v svadobných obyčajoch na Slovensku // Slovenský národopis. 1990. Roč. 38. Č. 1–2. S. 9–29.*

крывают тему чувств. В общем объеме песен данного типа мы можем обнаружить песни о препятствиях, ставших помехой в любви, потере зеленого венка — символа девственности, печали из-за бедности, которая стала причиной расставания и вступления в брак с человеком, равным по социальному статусу. В текстах мы также находим страх перед браком и переходом в новую семью — в таких песнях поется о жестокости свекра и свекрови и насилии, которое учиняет муж над молодой женой.

Положение женщины во многом зависело от положения в обществе и признания этим обществом ее родной семьи, а также от ее новой семьи и поведения самой молодой женщины, которое в идеале должно было быть безупречным. «Общим в подходе к нравственному воспитанию детей, вне зависимости от социального слоя, было соблюдение традиционных культурных стереотипов, связанных с полом. В рамках различных моделей социализации до определенной степени допускались сексуальные выходы мальчиков-подростков, в то время как девочки должны были проявлять застенчивость, целомудрие и сдержанность в данном отношении»¹⁰.

Само собой, в прозаических видах и жанрах фольклора мы также обнаруживаем описания образа жизни людей, их реакций на зачастую острые ситуации, тяжелых времен, поданные реалистично или с разной степенью фантазии. Народная песня, однако, позволяет существенно повлиять на эмоциональную сферу человека. Она обращается к реципиенту не только через слова, полный смысл которых нередко скрыт за метафорами, олицетворениями и символикой, но и через мелодию¹¹. Лирические песни о любви вовлекают слушателя в свое повествование, используя поэтические средства выражения, драматический заряд и саму роковую природу описываемого предмета. Они не только передают эмоции, но и являются ярким высказыванием о жизни, счастье или личной трагедии человека. Стремление к свободе, соблюдение прав человека, песнь о любви и боли в результате разлуки переданы посредством символов.

На первом месте в ценностной шкале патриархального общества находилась семья, здоровая и любящая, которую могут создать лишь любящие и уважающие друг друга партнеры. И здесь любовные песни не единожды преподносят нам образы реальной жизни, в особенности жизни женщин. В них говорится о большой любви и желании сохранить полноценную семейную жизнь, ради чего жены готовы терпеть грубость и насилие со стороны мужа и его родственников.

Женщина и ее чувства составляют большую часть всех сюжетов лирических любовных песен, хоть нет недостатка и в отвергнутых молодых людях, которые решают пойти в солдаты. В лирических песнях женщина

¹⁰ *Návrátlová A. Erotika v konceptu tradičného rodinného života // Erotika v lidové kultúre / ed. P Číhal. Uherské Hradiště: Slovákcké muzeum v Uherském Hradišti, 2017. S. 13.*

¹¹ *Veselovskij A. N. Historická poetika. Bratislava: Tatran, 1992. S. 52–81.*

выступает во всех своих проявлениях: как жена, мать, невеста, брошенная возлюбленная, как женщина, потерявшая девственность и вместе с тем уважение общества. Желание любить, даже после свадьбы, вписывается в систему ценностей существующего общества, поскольку в отношении женщины на первое место ставится фертильность и послушание, что приводит к зарождению новой жизни в семье.

Словацкая любовная лирика использует для изъяснения интимных чувств особые способы выражения. Мы не найдем в ней чувств, высказанных прямо. Следует отметить, что и в быту, уже в XX веке, люди довольно долго продолжали говорить о любви застенчиво и намеками¹². В народной песне «Звездочкам на небе нет числа» (словац. *Moc hviezdíček l'igoce sa na ňebi*) любовь воспевается неявно, важную роль здесь играет язык символов.

*Звездочкам на небе нет числа,
а мне один лишь люб.
Один лишь юноша пригожий,
но любима ли я, не знаю.
Хотела бы я знать,
любовь ему показать,
были бы мы тогда вместе.
Кабы я любовь свою открыла,
что бы от стыда я делала?
Сердце мое должно быть
каменным,
А щеки — холодны.
Но от любви мне горячо,
а что, ежели он меня не любит.*

*Moc hviezdíček l'igoce sa na ňebi,
mňa sa ľem jeden šuhajček ľubi.
Páči sa mi šuhajček ľem jeden,
aľe či sa mu ja páčim, to ňeviem.
Rada bi ja zvedela,
jemu lásku zjavila,
či by sme sa ňezobrali dovena.
Kebi mu ja tú lásku zjavila,
ďe bi som sa od tej hambe poďela?
Misela bi som mať srce
kamené
a mé ľička prevelice studenie.
Aľe sa mi horúce, na miluvaňia súce,
aľe čože, ket ma vom ňemiluje¹³.*

Большинство песен такого типа используют символические средства выражения, что вовсе не означает, будто в словацком песенном репертуаре нет текстов, в которых используется более прямой язык, даже с элементами

¹² «К чести наших предков, мне ни разу не приходилось слышать от них вульгарных выражений при разговоре об эротике и сексе. Когда можно было не говорить, они не говорили. А когда говорить приходилось, говорили нежно, поэтично, иносказательно. Я спрашивал об этом одного старого жителя горной деревушки. Он рассказал мне о своих родителях, которые с детства вместе пасли скот. Он — овец, она — коров. Он сказал: “Когда было необходимо, они могли полежать раза два за день. Раз у него под елочкой, раз у нее под елями”. Нельзя было сказать “я с ней переспал” или еще более грубо. В Кисуцах люди говорили “мы занимались своими делами” или “когда все было кончено”. Несмотря ни на что, люди были весьма застенчивы и стеснительны». См.: *Marec J. Tradičné ľudové liečiteľstvo a ľudová mágia na horných Kysuciach*. Martin: Matica slovenská, 2011. S. 171.

¹³ *Naprostred Hrušova. Spevník ľudových piesní / zost. A. Brložová. Hrušov: Obecný úrad, 2010. S. 47.*

эротики. Однако эти песни тематически и семантически выделяются в особый тип и потому требуют отдельного изучения¹⁴.

В песнях четко зафиксированы условия жизни феодального общества при патриархальном строе. Человек сам по себе и внутри группы (мужчины, женщины, дети, пожилые люди, ремесленники, богатые, бедные...) жил в системе, управляемой разного рода авторитетами, организованными в строгую иерархию. Личность, семья и общество подчинялись правилам, которые воспринимались как естественные, и нарушение этих правил сурово наказывалось. И хотя о любви пелось немало песен, в реальной жизни предпочтение отдавалось практическим аспектам жизни. Например, А. Мелихерчик хлестко пишет: «Женщина, попавшая в чужую семью не по любви, но для работы и рождения детей, не имевшая никаких прав, угнеталась мужчиной, дети страдали от тирании родителей, но и те, в свою очередь, в большей или меньшей степени подчинялись воле старейшего патриарха в семье. И всех их без разбору угнетал и эксплуатировал феодал или помещик»¹⁵.

Строгие правила сосуществования в патриархальном обществе придавали особый шарм тайной любви, остававшейся для всех секретом. Это позволяло стереть социальные различия, и молодые люди могли встречаться не только на общественно приемлемых мероприятиях, таких как танцы или вышивание, но и наедине, без ведома родителей. В случае раскрытия тайны следовало наказание. Родители не желали, чтобы их дети проводили время подобным образом, без их контроля, дабы девушка не потеряла девственность и не оказалась в социально неприемлемой ситуации, которая помешала бы ей удачно выйти замуж и занять более высокое положение в обществе. Символом девственности был зеленый розмарин — неотъемлемый атрибут словацких любовных песен. В песнях, в которых поется об утраченной любви, также поется о засохшем, потерянном или увядшем розмарине. Там, где изображена тайная любовь, поется о розмарине, поливаемом слезами или выращиваемом тайно.

*Как в саду нашем, в садочке,
розмарин я посадила,
каждый вечер я его, я его
поливать ходила.
От того ль с него листва сухая
опала,
что мы с милым другом
распроцались.*

*A v tej našej záhrade, záhrade,
rozmarín som sad'ila,
každý večer som ho ja, som ho ja,
pol'ievaťi choďila.
A preca mi suchej ľisti z neho spadali,
ket sme sa mi s mojím najmilejším
rozlučovaťi maľi.*

¹⁴ Hatar J. Karnevalizované obrazy v ľudovej piesni // Slovenský národopis. 2017. Roč. 65. Č. 3. S. 277–279; *Idem*. Komické a erotické v ľudovej piesni. Kandidátska dizertačná práca. Bratislava, 1998.

¹⁵ V širom poli studienečka / zost. J. Melicherčík. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1961.

*Матушка выспрашивает,
выспрашивает, дочка, что с тобою,
отчего грустна я,
всё по розмарину печалюсь.
Ташлась я, но теперь откроюсь,
из-за одного бедового, хитреца
одного, свет я покину.*

*Третьего дня, третьего дня,
шла я с милым другом на прогулку,
подошел ко мне мой милый, милый
мой,
и прошептал.
Схватил меня, прижал к себе,
должен ли я, моя милая, душа моя,
должен ли я ходить к тебе.*

*Mamka sa ma spituje, spituje,
cérka moja, čo ti je,
čo tak smutne pozeráš,
po svojom rozmaríne.
Tajila som, ale teraz šetko vijavím,
pre edního huncúta, be'ára,
z toho sveta sa zmárňim.*

*Keť som išla prevčerom, zavčerom,
na špacírku s frajerom,
prišov ku mňe môj milí, môj milí
a takto mi pošepov.
On ma chiťiv a priťisov šehaj ku sebe,
či mám chod'it' milá má, duša má,
či mám chod'it' ku tebe¹⁶.*

Тайная любовь приводила к браку в исключительных случаях. Личные предпочтения уступали место приоритетам семьи. В любовных песнях, где поется о несбывшейся любви, часто упоминается, что она закончилась с уходом лета или наступлением зимы. В летние месяцы молодежь в основном проводила время вне дома: пасла скот или гуляла в лугах и в лесу. С наступлением зимних месяцев, когда жизнь перемещалась в помещения, возможностей для неформальных встреч без присмотра родителей или других взрослых становилось меньше.

*Боже, Боже, как же шумно,
коли тайно любитя,
коль ни батюшка, ни матушка,
ни одна подруженька не ведают.
Боже, Боже, куда он делся,
прошлым вечером у нас сидел —
хорош-хорошенек:
доломán да сапожки.
Боже, Боже, как же это,
вместе провели мы лето,
но зиму не будем,
всё, конечно, позабудем.*

*Bože, bože, jak to šumne,
keď sa ľúbi potajme,
keď to nezná otec matka,
ani žiadna kamarátka.
Bože, bože, kde sa podel,
včera večer u nás sedel,
taký pekný, peknuštičký,
mal dolomán i čižmičky.
Bože, bože, ako je to,
strávilí sme spolu leto,
ale zimu nebudeme,
akože sa zabudneme¹⁷.*

¹⁶ Naprostred Hrušova. S. 25.

¹⁷ V šírom poli studienečka. S. 33.

Выбор пары не входил в личную компетенцию молодых людей, хотя среди беднейших слоев населения личные симпатии до определенной степени принимались во внимание. Куда больше, чем когда в результате брака экономическую ситуацию можно было не только улучшить, но и ухудшить. Это было так важно потому, что неправильно выбранный супруг, который не мог обеспечить свою жену, или женщина, которая не могла позаботиться о хозяйстве, ухудшали положение всей семьи.

ВЫБОР СУПРУГА, СУПРУГИ

Для женщины важнее было то, в какую семью она попадала, чем то, кто становился ее мужем¹⁸. Это было актуально и для другой стороны. Не всегда оказывался решающим имущественный аспект. Семья, которая была более стабильной в экономическом отношении, в результате свадьбы могла себе обеспечить и иные выгоды, не только финансовые¹⁹. Песни, в которых поется о принятии решения о выборе супругов, выборе всей жизни, составляют немалую долю любовных песен.

*В поле широком стоит груша,
зеленая верхушка,
под ней стоит моя милая,
ох, вся заплаканная.
О чем ты плачешь, что с тобою,
душенька моя дорогая,
возьми платок и утри слезы,
возьми платок и утри слезы,
ох, моя милая.
Как же мне не плакать, буду еще
более,
по тебе, мой миленький,
ох, что твоей не буду я.
Коль моей не будешь, моя милая,
будешь братовой,
всё же будешь ты в моей семье,
всё же будешь ты в моей семье,
ох, моя милая.*

*V širom poli, hruška stojí,
vrštek sa jej zelená,
pod ňou stojí moja milá,
ej, celá vyplakaná.
Čože plačeš, čože ti je,
drahá dušička moja,
vezmi ručník a utri sa,
vezmi ručník a utri sa,
ej, milenôčka moja.
Akoby ja neplakala, ešte viac plakat'
budem,
to pre teba môj milenký,
ej že tvoja nebudem.
Keď nebudeš, moja milá,
ale budeš bratova,
predsa budeš v mojom rode,
predsa budeš v mojom rode,
ej milenôčka moja²⁰.*

¹⁸ Tradície slovenskej rodiny / zost. M. Botíková. Bratislava: Veda, 1997. S. 178.

¹⁹ «Треклятое было время. У Крестины не было большого приданого, она не была богата, но Диешковцам (Dieškuouci) хотелось почитания, поскольку ее отец был старостой. И я сказал своему деду: «Дедушка, ведь эти люди бедны, что они могут нам дать?» Я хотел деда испытать, что он, а он и говорит: «Хорошо, хорошо, Янко, но чего бы я не отдал, чтобы, когда поеду в Долны Кубин, сказать, что у меня дочка длганского старосты в невестках ходит?»» См.: *Habovštjak* A. Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin: Matica slovenská, 2006. S. 140.

²⁰ V širom poli studienečka. S. 85.

В вопросах воспитания и нравственного контроля в семье, а также при выборе будущей пары учитывалось мнение матери — хозяйки. Она выбирала не только невесту своему сыну, но и рабочую силу в хозяйство, и девушка должна была соответствовать ее представлениям. В песнях именно матери юношей обозначены как те, кто принимает окончательное решение в подобных вопросах, и их мнение крайне важно.

*Даже не касайся ты меня,
даже не касайся ты меня —
попроси у матушки!
Коль позволит матушка,
и я соглашуся.*

*Ani sa ma netýkaj,
ani sa ma netýkaj,
matera sa opýtaj!
Ak ti matka dovoli
i ja budem po vóli²¹.*

В подавляющем большинстве случаев молодая невеста переезжала в дом родителей своего мужа. Нами зафиксировано гораздо меньше примеров, когда происходило наоборот. Предполагалось, что девушка будет уважать свою свекровь. Свекровь нуждалась в невестке, которая была бы послушной и соответствовала ее требованиям не только как супруга для сына, но и как полноценная помощница по дому — в физическом и экономическом смысле. Потому именно родители или мать жениха часто изображались как самые большие препятствия на пути отношений молодых людей.

*От косогора до долины,
от пригорка до горы,
покуда не увижу девушку,
ничто мне не по сердцу.
Ты мне по сердцу, моим
глазам серым,
но ты не по сердцу моим родителям.
Я тебе по сердцу, тобою любим,
но я не по сердцу твоей матери.*

*Z grúňa do doliny,
a z vršku do hory,
kým diovča nevidím,
nič mi nie je kvôli.
Kvôli si ty, kvôli mojim
sivým očom,
ale si nie kvôli tým mojim rodičom.
Kvôli som ja, kvôli, tvojmu srdcu kvôli,
ale som nie kvôli tej tvojej materi²².*

И в другом месте аналогично:

*Долина, долина, а в долине дятел,
эх, должен я оставить,
эх, подругу ради матери.*

*Dolina, dolina, na doline d'ateľ,
ej, keď musím nechať,
ej, frajerku pre mater²³.*

В любовных песнях часто описывается любовь, на пути которой стоят родители, которые были высшим авторитетом, и потому их мнение могло

²¹ Kollár J. *Národné spievanky*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1953. I. diel. S. 450.

²² V šírom poli studienečka. S. 39.

²³ Ibid. S. 86.

стать непреодолимым препятствием. В патриархальной семье уважение к авторитетам было важным элементом исправного функционирования семьи как внутри, так и снаружи. Несоблюдение иерархии строго наказывалось. И хотя большинство любовных песен на эту тему описывают горечь вследствие отказа родителей, мы также находим примеры, в которых мать позволяет дочери выйти замуж по любви. Например, в песне «Посреди Грушова» (словац. *Naprostred Hrušova*).

*Посреди Грушова гуси дерутся,
но ежели любовь настоящая,
против воли не отдадут.
Ежели любовь настоящая,
ей не будет препятствий,
защитят батюшка, матушка
и вся семья.*

*Ох, матушка моя,
не запрещайте мне,
ведь это прекрасно,
когда кто-то влюблен.
Ведь это прекрасно: девушка,
юноша,
когда сохраняют свой зеленый веноч.
Зеленый веноч украшает голову,
и не один юноша просит листочек.
Ты не спрашивай, не спрашивай
у меня,
а спроси у моей матушки.
Ох, доченька моя,
поступай по своей воле,
чтобы не винить потом матушку.*

*Naprostred Hrušova, husički sa perú,
ďe je verná láska,
tam sa ňezoberú.*

*Ďe je verná láska,
tam je aj prekážka,
bráni otec, maťi,
aj domáci šeci.
Jaj, mamička moja,
ňebráňte mi toho,
vet je to pekná vec,
kto miluje koho.
Vet je to pekná vec, panenka,
mláďeňec,
ket si zachovajú svoj zeľený veňec.
Svoj zeľený veňec na hlave prekvítá,
ňi edom mláďeňec pierko z neho píta.
Ňepítaj, ňepítaj
odo mňa od samej,
aľe si ho pítaj od mamičky mojej.
Jaj, céruška moja,
aká tvoja vôľa,
abi ňezostala na mamičky vina²⁴.*

Примером отказа родителей является песня из сборника Я. Коллара «Народные песни» (словац. *Národné spievanky*).

*Горит, горит огонь в верхнем конце,
знаю, не найду своим щечкам
равного.
Ведь уже нашла я
посреди деревни,
но не приглянулся он моей семье.*

*Horí, da mi horí, v horňom konci oheň,
ver si ja nenajdem mojím líčkam
roveň.
Veď som si ja našla
v prostriedku v dedine,
ale sa nepáči tej mojej rodine²⁵.*

²⁴ *Naprostred Hrušova*. S. 48.

²⁵ *Kollár J. Národné spievanky*. I. diel. S. 213–214.

Следующий пример изображения социальной реальности в словацкой любовной песне — редкий текст такого типа, поскольку в нем молодой человек защищает своих родителей, говоря, что решение расстаться с девушкой не их вина, а его собственный выбор.

*Яничко, молодец, чудо, как хорош,
умойся по весне — найдешь себе
подругу.*

*Я столько умывался,
а подругу так и не встретил,
больше не буду, пропади оно.
Тебя, видно, черти рисовали,
раз такую красоту тебе дали?
Не черти, не черти,
но Господь Бог небесный,
ведь он знал,
что красота мне понадобится.
Писанный красавец,
из хорошей семьи,
кабы матушка твоя
невесткой видела меня.
Кабы я тебя хотел,
и мать бы захотела,
И вся семья бы согласилась.*

*Janičko, mladý si, obluda, švárny si,
umy sa na jarku, budeš mať
frajerku.*

*Dost' som sa umýval,
predsa som jej nemal,
nebudem sa více, zodral bych si líce.
Vari ťa, šuhajček, čerti maľovali,
keď do tvojich líčiek takú krásu dali?
Nie čerti, nie čerti,
ale Pán Boh s neba,
veď on dobre vedeu,
že mne krása treba.
Šuhajik, šuhajik,
pekného si mena,
keby ma tvoja mať
za nevestu chcela.
Keby som ťa ja chceu,
i mať by ťa chcela,
I šetka rodina pristat' by musela²⁶.*

Наиболее сильными в эмоциональном плане являются песни, которые поются от лица девушки или юноши, возлюбленный или возлюбленная которых вступают в брак по воле своих родителей. В песнях такого типа мы отмечаем принятие фатальности ситуации, ведь это решение невозможно отменить. Мы также фиксируем глубокую печаль, которая выражена не напрямую, а посредством символов, когда поется о свадьбе.

*Вот, он женится, женится,
радость моя,
эх, не позвал меня, не позвал меня
на свою свадьбу.
Эх, вот и я пойду замуж,
эх, на второе воскресенье.
Эх, и я его не позову, эх, и я
не позову,
эх, и жену его молодую.*

*Ej, žení sa mi žení,
moje potešenie,
ej ani ma nevolá, ej ani ma nevolá,
na jeho veselí.
Ej a ja sa tiež vydám,
ej na druhú nedeľu.
Ej aj ja nezavolám, ej aj ja
nezavolám,
ej jeho mladú ženu²⁷.*

²⁶ Kollár J. Národné spievanky. I. diel. S. 222.

²⁷ Slovenské spevy / red. K. Ruppeltd. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1882. Zošit 3. S. 72.

Одна из наиболее распространенных и трагических тем, которые изображаются в народных песнях, — имущественное неравенство и его влияние на личную жизнь отдельного человека. Трагедия не была завязана на одном лишь личном решении молодых людей. Имущественный вопрос становился ограничивающим фактором и для родителей, которые старались подобрать для своих детей такую пару, чтобы их будущая жизнь в материальном плане была обеспечена наилучшим образом²⁸. Родители могли выбирать будущего мужа для дочери или невесту для сына только среди семей своего социального круга. Неравные браки в крестьянской среде были не в почете. Оба супруга должны были принести равную пользу обеим семьям. Жестокие слова звучат не только из уст свекрови, которая в патриархальной среде яро осуществляла свою власть хотя бы над домочадцами, невестками и детьми, но и из уст надменного молодого человека, прямо заявляющего, что девушка — не подходящая для него пара. В Гемере в песне «Сухой тополь» (словац. *Suchý topol'*) поется следующее:

*Посмотри-ка, милая,
на тополь на сухой.*

*Когда он зацветет, тогда и я буду
твоей...*

*Pozriže ty, milá,
na tot suchý topol'.*

*Keď sa tot rozvinie vtedy ja budem
tvoj...²⁹*

В других типах песен девушка не вступает в спор из-за своей бедности, а наоборот, подчеркивает свое прилежание и трудолюбие.

*Вот летит гусыня, хороша, пестра,
и сказал мне милый,
что не богата я.
что я не богата, хорошо я знаю,
но зато умелая,
что семеро богатых.*

*Vyletela húska, pekná jarabatá,
povedal mi milý,
že nie som bohatá,
že som ni bohatá, ja o tom dobre vjam,
ale si ja vedem,
jak bohatých sedem³⁰.*

Именно на примерах отдельных судеб народная песня эмоционально описывает социальное или имущественное неравенство, акцентируя внимание на его влиянии на конкретного человека. Бедная невеста, не принесшая

²⁸ Девушкам из бедных семей было тяжело выйти замуж, даже если они были работящими или безупречными с точки зрения морали. И хотя эти качества в обществе ценились, финансовая поддержка часто оказывалось более важным и решающим фактором при выборе супруги. См.: *Vocánová M., Slobodová Nováková K. Kostolianska dolina (Teoreticko-metodologické a praktické aspekty terénneho výskumu)* Trnava: UCM, 2015. S. 80.

²⁹ *Sborník slovenských národných piesní, povestí, prísloví, porekadiel, hádok, hier, obyčajov a povier / red. P. Dobšinský. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1874. Sväzok 2. Sošit 1. S. 43.*

³⁰ *Elschehová A. Slovenské ľudové spevy = Slowakische volksgesänge. Bratislava: Ústav hudobnej vedy SAV, 1995. I. diel. S. 58.*

новой семье богатого приданого, становилась объектом упреков со стороны не только родственников мужа, но и его самого. Брак считался выгодным для молодой женщины уже потому, что она получала в лице мужчины защитника и покровителя, что должно было уравниваться, например, приданым, которое матери начинали готовить дочерям, когда те были еще маленькими. Упреки мужа своей жене из-за приданого, которое не соответствовало ожиданиям его семьи, мы также находим в следующей песне.

*Что ж ты замуж выходила,
коль мало у тебя перин?
Наступит лютая зима —
околеем ты да я.*

*Načo si sa vydávala,
keď si málo perín mala?
Trafi byť ti veľká zima,
zamrzeme obidvaja*³¹.

Несмотря на изображенную тяжелую долю бедных девушек или, реже, юношей, подчеркивается упорство и трудолюбие людей из беднейших слоев, которые умеют взяться за любую работу. В реальной жизни, однако, предпочтение отдавалось соответствию партнеров в экономическом плане, а не трудолюбию и хорошим личным качествам. Люди взращивались системой и затем эту же систему принимали. Нарушение ее правил наказывалось. Люди знали свое место в иерархии общества, и даже если в юности возникали какие-то отношения между неравными в экономическом отношении молодыми людьми, они все же осознавали, что имущественное неравенство является ключевой проблемой, которая может оказаться непреодолимой при заключении брака. Примером тому служат песни, которые поют как девушки, так и юноши.

*Кабы я знала, что будешь моим,
отдала бы тебе свой платок!
Но я знаю, моим ты не будешь,
лишь напрасно его замараешь.
Истинно, душа моя,
ты говоришь правду,
из-за моих родителей
я не буду твоим.
Мои родители таковы,
что хотят богатую невесту...*

*Keby som vedela, že budeš moj
dala bych ti nosiť ručníček svoj!
Ale ja dobre vím, že nebudeš,
darmo moj ručníček špiniť budeš.
Veru, ty duša má,
mluvíš pravdu,
pre mojich rodičú
tvoj nebudu.
Moji rodičové takoví sú
že oni nevestu bohatú chcú...*³²

В другой песне юноша утешает девушку, на которой не может жениться, потому что он беден. Символом бедности является тонкая простыня, которой, по словам юноши, им бы пришлось укрываться.

³¹ Sborník slovenských národných piesní... Sväzok 2. Sošit 1. S. 20.

³² Kollár J. Národné spievanky. I. diel. S. 447.

Когда я к вам приходил,
ты всегда плакала,
красным платком слезы утирала.
Не жалея, Катенька,
что не взял тебя в жены,
ведь я бы тебя
лишь тонкой простыней смог
укрыть.
С какой бы взял,
под той бы и спала,
пусть так,
лишь бы твоею женой я была.

*Keď som k vám chodieval,
vždycky si plakala,
červeným ručníčkom, slzy utierala.
Nebamij Kačenko,
že som si ťa nevzal,
lebo by ťa
iba riedkou plachtou
odzal.
S jakou bys 'ma odzal,
pod takou by spala,
nech by len,
šuhajko, tvoja žena bola*³³.

В словацких любовных песнях мы также встречаем, пусть и реже, другой тип жалоб, когда молодая женщина сетует на жизнь без любви, даже если при этом она материально обеспечена.

Что мне, парень, твое богатство,
коль я не люблю
тебя совсем?
Что мне, парень, жизнь
в достатке,
коль с тобой ни ночи
сладкой.

*Čože mi je šuhaj, z toho tvojho mania,
keď ja s tebou nemám žiadno
milovania?
Čože mi je, šuhaj, po tom tvojom
statku,
Keď ja s tebou nemám jednu nuocku
sladkú*³⁴.

Песни, имеющие характер жалоб и сетований, приведенные выше, перемежаются с песнями, в которых молодые люди спокойно принимают свое положение в обществе. Примером тому — песня из деревни Страняны «Течет вода поперек воды» (словац. *Idze voda proci vodze*).

... Потому я не хочу быть
с кавалером,
а лишь с таким, как я.
С бедным да шумным —
за такого я пойду.

... Bo ja nescim
gavalira,
lem takoho ako ja.
Chudobneho, šumnoho,
ta ja pujdu za ňoho

³⁵.

В категории песен, где напрямую говорится об имущественном неравенстве партнеров и упоминается бедность одного из них, мы также фиксируем песни, в которых воспевается гордость бедной девушки. В среде народной культуры мы также отмечаем тот факт, что это были девушки

³³ Kollár J. *Národné spievanky*. I. diel. S. 108.

³⁴ *Ibid.* S. 237.

³⁵ *Elscheková A. Slovenské ľudové spevy*. I. diel. S. 56.

из беднейших слоев, которые могли поддаться уговорам юношей и позволить им больше, чем позволялось обществом. В песне «В Грушове растет зеленая липка» (словац. *V Hrušove rastie lípka zelená*) с предостережением поется о девушках, которые могут поддаться посулам богатых молодых людей.

*Ни один богач не хочет
бедную невесту,
выберет ту,
у которой тысячи, миллионы,
та глупа,
что поддастся на его уговоры.*

*Žiadon boháč ňekce
chudobnú d'iovku,
Ľem viberá
na tisícce, mil'ióni,
každá blázna,
kerá sa mu podvoľí³⁶.*

Такие девушки рисковали тем, что забеременеют до замужества и станут матерями-одиночками; это, пожалуй, было худшим, что могло случиться с молодой женщиной. Юноша, который в конце концов подчинился воле своих родителей, не имел обязательств перед девушкой и не был обязан на ней жениться, и общество приписывало вину за произошедшее девушке, хотя часто было известно, кто являлся отцом ребенка³⁷. Во многих песнях, однако, подчеркивается хорошая репутация и гордость бедных семей. В таких песнях поется, что, хоть девушка и бедна, абы за кого ее не отдадут.

Брак не по собственной воле, а по принуждению был обычным явлением как среди более богатых, так и среди бедных девушек. Эмоционально об этом поется в песне из Ревуцы.

*...Девушка в сад пошла,
присела среди клумб.
Гвоздики и розы полола
и горько плакала.
Гвоздики, гвоздики, желтые
гвоздики,
вы не нужны для моего венка.
Вы можете цвести желтым
цветом,
а я должна от вас отвыкнуть.
Можете и вы, розочки,
а я стану невестою.
Можете и вы, тюльпаны,
а я уже буду с молодым паном.*

*...Išlo dievča do záhradky,
K'kleklo ono medzi hrádky.
Klince, ruže preplievalo,
a tak horko zaplakalo.
Klince, klince, žoltia
klince,
netreba ste mi na vence.
Možete vy žlto
kvitnôť,
ja musím od vás odvyknúť.
Možete vy, aj ružisko,
ja už budem nevestisko.
Možete vy tulipánom,
už ja budem s mladým pánom³⁸.*

³⁶ Naprostred Hrušova. S. 76.

³⁷ Подробнее и в более широком контексте см., например: Komorovský J. Tradičná svadba u Slovanov. S. 60–61.

³⁸ Elscheková A. Slovenské ľudové spevy. I. diel. S. 69.

Схожим образом печаль из-за брака против воли передана в следующей песне.

*Не хотела за него, да меня
заставили.
Лишь головушку мою загубили.
Не вяжите мне петлю, ничего
не надобно.
Выкопайте яму — сама в нее лягу.
Выкопайте яму, да в красной глине.
Сама в нее лягу, будто на перину.*

*Nechcela som zaň ist', len ma
prisilili.
Tú moju hlavičku len zakosili.
Nerobte mi jarmo, nič vám
neutiahnem.
Vykopte mi jamu, sama do nej ľahnem.
Vykopte mi jamu, do červenej hlíny.
Sama do nej ľahnem ako do periny³⁹.*

Для молодой женщины жизнь в новой семье не всегда оказывалась легкой. Она должна была приспособиться не только к требованиям мужа, но и к требованиям его семьи. Положение молодой невестки было довольно тяжелым, поскольку в иерархии семьи она находилась на нижней ступени вплоть до рождения первого здорового ребенка — в идеале мальчика. Договорные браки, особенно поначалу, являли собой скорее трудовые отношения, чем любовный союз. Считалось, что симпатия придет со временем и молодые люди привыкнут друг к другу. Конечно, так происходило не всегда. В Словакии равноправие женщин и разрушение строгого патриархального семейного уклада стало возможным только после Второй мировой войны под влиянием социально-политических изменений и доступного образования. От женщины ждали, что она во всем будет подчиняться своему мужу, но она также подчинялась и другим членам семьи, особенно свекрови, которая пыталась воспитать ее в соответствии со своими представлениями.

*... Дары ей приносят,
эх, еще и упрашивают.
Боже, благослови меня,
эх, где бы я была сама,
если бы свекровь моя,
эх, меня не вразумляла.*

*...Darov jej nanosia,
hej ešte sa jej prosia.
Ta ma Bože, ta ma,
hej, kde ja budem sama,
žeby mi svokruša,
hej, nerozkazovala⁴⁰.*

Молодая женщина понимала, будет ли она желанной невесткой или ей придется многое вынести, уже по тому, как семья будущего мужа относилась к ней до свадьбы. Символично, что именно свекровь могла выразить свое недовольство девушкой уже во время свадьбы⁴¹. Такое поведение

³⁹ Sborník slovenských národných piesní... Sväzok II. Sošit I. S. 67.

⁴⁰ *Elscheková A. Slovenské ľudové spevy. I. diel. S. 70.*

⁴¹ Если невеста родителям жениха не нравилась, ей сразу же давали это понять, как только она приходила в дом. Ее заставляли ждать за дверью дольше обычного или во время приветствия ей не говорили ни слова. Подобное нарушение этикета было редкостью и практически всегда осуждалось общественным мнением. См.: *Tradície slovenskej rodiny. S. 179.*

общество осуждало, но недовольство в самом браке терпело. В народной песне мы находим тексты, в которых говорится о словесных нападках свекрови, которая будит свою невестку, чтобы та подоила коров, которых не привела с собой в качестве приданого.

*Вставай, невестка,
ты уже выспалась,
иди доить коров,
что с собой не привела.*

*Staň, nevesta hore,
už si sa vyspala,
chod' podojiť kravy,
ktorés 'nedostala*⁴².

Недовольство могло выражаться не только словесно, но и физически. Избиение женщин воспринималось как часть жизни, как что-то, что могло случиться с молодой женщиной очень и очень легко. Алкоголизм, тяжелая работа и бедность не способствовали спокойной жизни, и, поскольку сообщество принимало иерархию, в которой мужчина является главным авторитетом в семье, женщины были вынуждены терпеть физическое насилие⁴³. Насилие такого рода воспринималось как часть реальности, с которой было нужно считаться. Примером тому — песня «Что на свете происходит» (словац. *Čo sa v sveťe d'je*).

*Хорошо мне говорила матушка,
чтобы не хотела я быть с Яником,
что Яник будет мне плохим мужем,
что будет меня бить — вот и бьет.
А еще она говорила,
чтобы Яника я не боялась.
Коли будет бить — убегай,
и помни мои слова.*

*Dobre mňa mamička vravela,
žeby som Jaňík nechcela,
že mi Jaňík bude mrcha muž,
že ma bude bijať — aj ma už.
Ešte mi aj takto vravela,
žebi sa Jaňík nebála.
Ket 'ta bude biť uťekaj
a na moje reči pamätaj*⁴⁴.

В следующей песне, где мы наблюдаем диалог матери и дочери, данная тема передана еще более явно.

*...Я бы тебе, я бы тебе, двери
открыла,
кабы мне, кабы мне
матушка позволила.
Но матушка мне не позволяет,
не по сердцу ты ей, не по сердцу.*

*...A ja bi ti, a ja bi ti, dvere
otvorila,
kebi mi to, kebi mi to,
mamka dovoľila.
Aľe mňa to mamka ňedovoľí,
že si ti ňi, že si ti ňi šuhaj po jej vôľi.*

⁴² Chudoba, chudoba, však si mi moc vina... / zost. Ľ. Droppová-Markovičová. Bratislava: Tatran, 1988. S. 54.

⁴³ *Lábadyová N.* „Žena je len vtedy dobrá, keď je bitá“, alebo bitie ženy v reálnom živote a vo folklóre // *Žena z pohľadu etnológie* / ed. H. Hlôšková, M. Leščák. Bratislava: Katedra etnológie FF UK, SNS pri SAV, Prebudená pieseň, 1998. S. 98–107.

⁴⁴ *Naprostred Hrušova*. S. 27.

Ой, матушка, матушка моя,
ведь он мне обещает,
что с ним мне, с ним мне,
будет очень хорошо,
что по дому
ничего делать не надобно,
Только шелковые платочки,
шелковые платочки вышивать.

Ох, доченька, доченька моя,
ведь он обещает,
покуда тебя, покуда тебя
в руки не получит.
А как окажешься ты в его руках,
будет бить тебя, будет бить тебя,
покуда не устанет.

Ох, матушка, мамушка, ведь и Вас
били,
А Вы все равно, все равно
батюшку любили.
Как Вы любили, так и я любить
буду.
И ежели захочу, ежели захочу,
его женою буду.

Jaj mamička, mamka moja,
vet mi on sľubuje,
že mi pri ňom, že mi pri ňom,
veľmo dobre bude,
že nemisím doma
nič robiť,
Len hodvábné,
Len hodvábné šatôčky višovať.

Jaj, dcéruška, dcérka moja,
vet ti vom sľubuje,
pokím ťa vom, pokím ťa vom
do rúk ňedostaňe.
A keď ťa vom do ruki dostaňe,
bude ťa biť, bude ťa biť,
pokím ňeustaňe.

Jaj, mamička, mamka moja, vet aj vás
býjali
A preca s'te, a preca s'te
tatka radí maľi.
Lúbili ste, aj ja ľúbiť
budem.
a keď ja kcem, a keď ja kcem,
jeho žena budem⁴⁵.

В другой песне аналогично поется, что насилие в браке — обыденное явление, с которым нужно смириться.

Будешь ты, Ганичка, будешь ты
плакать,
как год пройдет, два пройдет
по свадьбе.
Пойдешь ты, Ганичка,
пойдешь вся в слезах,
как пойдет Йеня из корчмы,
чертыхаясь.
Будешь ты, Ганичка,
из-за угла выглядывать,
когда Йеня бить тебя по спине
будет.

Budzeš ti, Haničko, budzeš ti
plakala,
jak prejdze roček — dva,
že ťi še vidala.
Pojdeš ti, Haničko,
pojdeš ti plačuci,
jak ci pojdze Jeňa z karčmi
bohujuci.
Budzeš ti, Haničko,
poza uhli kukac,
jak ce bude Jeňa po cherbecce
buchac⁴⁶.

⁴⁵ Naprostred Hrušova. S. 67.

⁴⁶ Guzová J. Janka Guzová spieva. 100 východoslovenských piesní. Bratislava: Slovenské hudobné vydavateľstvo, 1951. S. 82.

В контексте фатальности и неизбежности брака также представлены песни в форме диалога между молодыми людьми, которые еще не стали окончательно мужем и женой: девушкой, готовой дать и выполнить клятву, и юношей, который не скрывает своего типичного представления о браке. Явным положительным моментом становится окончание песни, когда насилие не происходит благодаря красоте девушки.

*Ты сказал, что меня возьмешь,
как на горе рожь пожнешь.
И собрал ты ее, и связал,
но меня пока не взял.*

*Как возьму тебя, так побью тебя,
не буду тебя я в карете возить,
ни в карете, ни в телеге,
со мной тебе не будет хорошо.
Куплю я кнут толщиною в руку
и побью тебя как суку.*

*Кнут ты уже купил, но меня не бил,
душа моя, ты меня бережешь.*

*Как мне тебя не беречь,
тебя будто художник рисовал.
Художники тебя рисовали,
Резчики вырезали.*

*Povedal si, že ma vezmeš,
keď na hore žitko zožneš.
Už si zožal i poviazel,
predsa si ma ešte nevzal.*

*Keď ťa vezmem, budem ťa biť,
nebudem ťa v koči vozit',
ani v koči, ani v korbe,
nebude ti pri mne dobre.
Kúpim korbáč jako ruku,
budem ťa biť ako suku.*

*Už si kúpil nebiješ ma,
duša moja, šanuješ ma.*

*Jako bych ťa nešanoval,
keď ťa maliar vymaľoval.
Maliari ťa maľovali,
kresáči ťa vykresali⁴⁷.*

Авторитет мужа в патриархальном обществе был неоспорим. Он был главой семьи, представлял ее при контактах с властями и в торговле, принимал решения о ведении хозяйства и деятельности семьи и слуг, его голос был решающим во всех важных вопросах. Он считался кормильцем и отвечал за экономическое процветание семьи. Потому его действия, часто жестокие и решительные, воспринимались как вполне естественные. Напротив, женщины, чьими положительными качествами считались покорность, послушание и смирение, должны были терпеливо переносить жизненные невзгоды, которые были вызваны не только бедностью или лишениями, но и жестоким обращением со стороны человека, который должен был стать для них самым близким.

ПРОЩАНИЕ С ДОМОМ, СВАДЬБА

Разлука с родной семьей являлась сильным эмоциональным моментом любой свадьбы и часто описывалась в песнях. После свадьбы жизнь в родной семье для невесты заканчивалась, что обязательно подчеркива-

⁴⁷ Kollár J. *Národné spievanky*. I. diel. S. 61.

лось во время свадебной церемонии⁴⁸. Отлучение невесты от стола, дома и родителей является одним из наиболее печальных моментов свадьбы, что сохранилось до наших дней в лирических песнях, в которых отображена не только грусть молодой женщины, но и позиция матери, которая решительно отговаривает свою дочь приходить к ним и поддерживать отношения.

*Отдала мать дочку, отдала дочку,
да на чужую сторону.
Запретила ей, запретила ей
домой приходить.
И через семь лет,
и через семь недель,
и через семь часов.
Ох, матушка, как же это долго,
столько я не вынесу.*

*Vydala mamka, vydala dcéru
do cudzej krajiny.
Zakázala jej, zakázala jej,
aby prišla k nej.
Za sedem rôčkov,
za sedem týždňov,
aj za sedem hodín.
Jaj mamko moja, to je za veľa,
ja vám to nezdržím⁴⁹.*

Несмотря на то что брак повышал социальный статус молодых людей и они продвигались вверх в иерархии авторитарной системы, среди песен мы также находим и те, в которых брак воспринимается как потеря свободы, радости и веселья не только девушками, но и юношами.

*Издали видать, кто холостяк,
ходит по полю, что розовый цвет.
Издали видать, кто женат,
ходит по деревне, что пес
лохматый.
Издали видать,
кто олень горделивый,
по тому, как он шапку на бок
сдвигает.
Издали видать, кто праведен,
Ибо сей юноша очень скромн.*

*Poznať to zďaleka, ktorý je mládenec,
chodí si po poli jak ružový veniec.
Poznať to zďaleka, ktorý je ženatý,
chodí po dedine ako pes
chlpatý.
Poznať to zďaleka
hrdého roháča,
lebo si klobočik nakrivo
zatláča.
Poznať to zďaleka, kto je spravodlivý,
lebo je mládenec veľmi hanebný⁵⁰.*

На семейное положение как на бремя указывает также следующий отрывок.

*Жалко мне, жалко
и дома, и тут,
что на шею свою
повязал я путы.*

*Lúto mi je lúto
i doma i tuto,
že som si založil
na hrdielce puto⁵¹.*

⁴⁸ *Elscheková A. Typy svadobných piesní // Slovenský národopis. 1997. Roč. 45. Č. 4. S. 382–391.*

⁴⁹ *V šírom poli studienečka. S. 79.*

⁵⁰ *Kollár J. Národné spievanky I. diel. S. 230.*

⁵¹ *Slovenské spevy / red. K. Ruppeldt. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1881. Sošit 2. S. 83.*

Л. Дроппова, известный знаток словацких народных песен, неоднократно указывала на значительную разницу в количестве песен, описывающих отношения между мужчиной и женщиной до и после заключения брака⁵². Несмотря на то что во многих словацких народных песнях поется о любви до брака и отношения между двумя людьми описаны в самых разных ее проявлениях, после свадьбы эта тема утихает. Не только само любовное чувство, но и физическая привлекательность и красота женщины перестают быть публичной темой после свадьбы, о чем свидетельствует отрывок из песни «Зеленая горка» (словац. *Horička zelená*).

<p><i>Красоту, девица, береги до времени, будет тебе надобна, когда пойдешь ты замуж. Будет тебе надобна в тот день последний, когда ты снимешь венок свой зеленый.</i></p>	<p><i>Krásu, dievča, krásu, šanuj si do času, buďe ti potrebná, ket pôjdeš k sobášu. Buďe ti potrebná na ten deň posledný, ket budeš skladaťi svoj vienok zeľený⁵³.</i></p>
---	--

Считалось, что любовь должна была прийти в браке, ведь она имела первостепенное значение для обеспечения выживания следующего поколения на соответствующем уровне. Брак воспринимался скорее как договорное соглашение на экономической основе, чем как личное решение человека, основанное на чувствах и симпатиях. Важным компонентом в жизни людей была мораль, которая воспринималась как набор условностей и общепринятых мнений, неписаных нравственных и социальных норм, с которыми был знаком каждый член общества и которым в идеале следовал или хотя бы принимал их, дабы не оказаться в положении порицаемого. Народная песня поэтически описывает изменение статуса незамужней девушки, которая имела определенную степень свободы и возможности для проявления радости, и ее переход в положение супруги, у которой был иной статус, что проявлялось на всех уровнях жизни женщины.

<p><i>Песни мои, песни, у меня вас немало, но как выйду замуж, в сундуке вас спрячу.</i></p>	<p><i>Piesne moje, piesne, však vás ja veľa mám, keď ja za muž pôjdem, do truhly vás schovám⁵⁴.</i></p>
--	--

В данном типе песен мы фиксируем следы меланхолии из-за окончания жизненного этапа, когда молодая девушка еще имела некоторую свободу под покровительством родной семьи. В свадебных песнях внимание акцен-

⁵² Droppová L. K podobám ženy v slovenskej ľudovej piesni // Žena z pohľadu etnológie. S. 140.

⁵³ Naprostred Hrušova. S. 32.

⁵⁴ Droppová L. Slovenská ľudová pieseň — texty a kontexty. Bratislava: Univerzita Komenského, 2000. S. 52.

тировалось на изменении статуса девушки. Невеста оплакивала не только свой дом и родителей, с которыми навсегда просталась, но и жизнь незамужней девушки, свое исключение из круга подруг, как, например, поется в свадебной песне из Дубравки близ Братиславы.

*Прощай, белый свет,
прощай,
ни рая, ни наслаждений не будет
боле.*

*Прощайте, молодцы и девицы,
под венком, под зеленым,
с вами боле не буду.*

*Братья и сестры меня прогоняют,
в доме родном жить
запрещают.*

*Zbohem ti už, márnny svete,
zbohem ti už dávam,
do raja a do rozkoše, chodiť už
prestávam.*

*Lúčim sa ja s vami, mládenci aj pany,
pod vínečkom, pod zeleným,
nebudem viac s vami.*

*Bratia sestry moje, tí ma vystrájajú,
kde som sa ja narodila bývať mi
nedajú⁵⁵.*

Поскольку браки в основном имели договорной характер, было очевидно, что молодые люди опасались последующей совместной жизни. Браки были нерасторжимыми, и о расставании не могло быть и речи, и бесповоротность данного обстоятельства могла послужить спусковым крючком для озлобленности, жесткости и отвращения по отношению к другому человеку. Согласно полевым исследованиям, после долгих лет совместной жизни, когда люди смирялись с ситуацией, которая оставалась неизменной, они начинали воспринимать ее как естественную и, само собой, испытывали опасения в случае изменений. В песне из Ламача невеста поет:

*...Расскажите мне, женщины,
вы ведь знаете,
каково с плохим мужем жить
на свете.
С плохим мужем
жить на свете без любви —
это будет длиться целую вечность.
Уж никто тебе никогда
не поможет,
коли вы друг с другом,
что кошка с собакой.*

*...Povjedzte mi aj vy ženy,
šak vy víte,
jako je to s mrcha mužom žiť
na svjece.
S mrcha mužom
žiť na svjece bez libosci
to ti bude vždicki trvať do vječnosci.
Už ti z teho jakživ nigdo
nеспотоže,
ked budete proci sebje
jak dva nože⁵⁶.*

Сложно говорить о проявлениях супружеской привязанности в традиционной сельской среде. Как правило, таким проявлениям не было места в повседневной жизни. «Играли свою роль обещанное постоянство в отно-

⁵⁵ *Elscheková* A. Funkcia a typu svadobných piesní // Slovenský národopis. 1997. Roč. 45. Č. 4. S. 75.

⁵⁶ *Ibid.* s. 81.

шениях перед Богом и людьми, приверженность ценностям веры и провозглашение взаимной верности»⁵⁷. Песни о счастливом браке редко встречаются в сборниках, зато присутствует «множество песен с иными мотивами: избитая жена, несчастная женщина, пьяный мужчина, а также песни об имущественном и возрастном неравенстве супругов»⁵⁸.

Под пристальным вниманием старших находился не только выбор будущей пары, но и публичные проявления любви. Традиционный деревенский этикет⁵⁹ диктовал, чтобы любовь была скромна и неприхотлива и не проявлялась публично, даже наедине не выражалась словами. Фактически в Словакии не существовало фразеологизмов о любви в контексте бытового общения. Вместо слов использовались иные знаки внимания, в первую очередь любовные подарки: разукрашенные стиральные доски, пряничные сердечки, нарядное майское дерево, любовные песни. Считалось, что любовь можно сохранить, заполнить и даже помешать ей при помощи магических средств. Для семей, которые владели крупным хозяйством, выбор будущей невесты был крайне важен, и предпочтения молодого человека не принимались во внимание. В первую очередь невеста должна была быть здоровой, сильной, способной без особых проблем выполнять работу по хозяйству. Именно в песнях можно зафиксировать мышление людей, их представления о мире, тайные мечты и желания, пускай они и ощутимо ограничивались социальными правилами, обладавшими высокой степенью обязательности для каждого человека. Страх социальной изоляции и исключения из общества помогал поддерживать и соблюдать правила этого общества, в данном случае — патриархальную систему. Однако были случаи, когда любовь между молодыми людьми имела серьезные последствия для тех, кто не соблюдал ее правила.

В традиционной словацкой семье большое внимание уделялось чистоте девочек и девушек как в физическом, так и в духовном смысле. Оценивалась чистота жилища, которое было визитной карточкой женщины, одежда ее семьи и, самое важное, чистота самой девушки. Благочестие, скромность и целомудрие ставились во главу угла, было важно, чтобы девушка вступала в брак, будучи девственницей⁶⁰. Представления о нечистоте в тради-

⁵⁷ Navrátilová A. Erotika v konceptu tradičného rodinného života // Erotika v lidové kultúre. S. 14–15.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Leščák M. Ethische Prinzipien des Familienlebens in slowakischen Marchen // Slovenský národopis. 1993. Roč. 41. Č. 4. S. 448–452.

⁶⁰ Нечистота ассоциировалась с естественными проявлениями женского организма: менструацией, беременностью, родами, послеродовым периодом. Фертильность, однако, высоко ценилась и, имея в своей основе принцип симпатической и контактиозной магии, широко применялась в качестве магического средства в сферах, где было необходимо обеспечить плодородие. Общество негативно относилось к тому, что женщина оставалась старой девой, а мужчина — холостяком, поскольку была упущена возможность рождения детей.

ционном патриархальном обществе еще более укрепились под влиянием христианства и его отношения к телесности и сексуальности⁶¹.

В народной среде существовала более-менее устойчивая система норм морали, которую должен был принимать каждый человек, если он хотел адекватно функционировать в обществе, которое при нарушении этих норм могло и должно было вытолкнуть его на обочину. Этические стандарты носили императивный характер, и общество посредством механизмов социального контроля следило за их соблюдением и принятием. Ослабление социально-регулирующих функций, поддерживаемых традициями, фиксируется на протяжении всего XX в., когда их незыблемость и сила были нарушены многими факторами⁶². Девушка должна была быть застенчивой и сдержанной в отношениях с противоположным полом. Родители, особенно матери, опасались, как бы она не лишилась девственности до свадьбы, не утратила свой зеленый веночек, как об этом символично пелось в народных песнях.

*Веет ветер над колосьями,
парень узнает подругу по голосу.
Та, что весело поет,
найдет себе друга по сердцу.
С которой встречаются молодцы,
та не пойдет замуж в венце,
а будет в шелковом платке,
и всё это ради большой любви.*

*Veje vetrik po ovsenom klase,
pozná frajer frajerku po hlase.
Kerá si tak preveseľe spieva,
tá má každá po vôľi frajera.
U kerej sa schádzajú mláďenci,
tá ňebude sobášená v venci,
aľe bude v hod'babnom ručníku
a to šetko pre ľúbosť veľikú⁶³.*

Положение матерей-одинок и их детей было очень тяжелым. Вина полностью ложилась на них. Общество относилось более благосклонно к мужчинам, чем к женщинам, когда дело касалось сексуального поведения. В следующем примере поется о потере зеленого венка, который юноша обещает заменить золотым, что символически означает обручальное кольцо.

*В поле широком стоит груша,
зеленая верхушка,
под ней стоит моя милая,
вся заплаканная.
Не плачь, моя милая, не сетуй,
за веночек твой зеленый,
не плачь, моя милая, не сетуй,
я куплю тебе золотой.*

*Šírém poli hruška stojí
a vrch sa jej zeleňá,
pod ňov stojí moja milá,
velmi je viplakaná.
Ňepladž, milá, ňenaríkaj,
tvoj víneček zelení,
ňepladž, milá, ňenaríkaj,
kúpim ti já zlát 'eni⁶⁴.*

⁶¹ Navrátilová A. Role ženy v obřadní kultuře // Žena z pohľadu etnológie. S. 22.

⁶² Например, промышленная революция, урбанизация, работа за границей, трудоустроенность женщин, Первая и Вторая мировые войны и др.

⁶³ Naprostred Hrušova. S. 73.

⁶⁴ VI. Prespanky // URL: https://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszagi_nemzetisegek/szlovakok/stefan_lami_ked_si_ja_zaspievam/pages/007_prespanky.htm (дата обращения: 18.10.2021)

В большинстве случаев хороший брак был гарантией выживания, важным событием в жизни молодой женщины. Если она сохраняла ребенка, шансы выйти замуж сводились к нулю. Женщину преследовала не только сельская община, дабы ее история послужила сдерживающим фактором для других, она также подвергалась суровым санкциям со стороны церкви. Оуждалась не только она сама, но и вся ее семья, особенно мать, которая, по мнению общества, плохо воспитала девушку и не следила за ее нравственностью. Впоследствии это переносилось на родившегося ребенка⁶⁵. Потому нередко девушки пытались прервать нежелательную беременность. В результате собственных вмешательств или помощи женщин, которые делали незаконные аборты, многие лишались жизни.

*Девица слагала,
жалобно плакала,
Боже мой, Боже мой,
что же я наделала?*

...

*Что же я наделала?
в моем-то юном возрасте?
Не могу рассказать об этом
ни одному человеку.*

...

*Мой сынок, мой сынок,
что я могу для тебя сделать?
Бросить тебя в воду
или вырастить тебя?*

*Ďeŕčina skladala,
žalosne plakala,
bože mój, bože mój,
čo sem urobila?*

...

*Čo sem urobila
v mojem mladém veku?
Ňesmím sa oznámit
žádnému človeku.*

...

*Sinu mój, sinu mój,
čo ti urobid mám?
Do vodi ťa hod'it,
či ťa vichovad mám⁶⁶?*

Общество постулировало необходимость сделать конкретные этические ценности, этический порядок и категории морали более видимыми и настаивало на соблюдении общепринятых обязательств. Если индивид неприемлемым образом отклонялся от принятого коллективом порядка, коллектив его определенным образом наказывал. Нам известно множество способов, как это осуществлялось. В патриархальном обществе от человека требовалось вести себя в соответствии с ожиданиями большинства. Степень свободы действий в обществе, если только человек не хотел быть исключенным из него, была ограничена, поведение людей в значительной степени определялось консенсусом и традициями.

⁶⁵ Tradície slovenskej rodiny. Bratislava: Veda, 1997. S. 83–84.

⁶⁶ VI. Prespanky // *Lami š. Keď si ja zaspievam*. Zbierka slovenských ľudových piesní v Maďarsku. Budapešť: Tankönyvkiadó, 1988. URL: https://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszagi_nemzetisegek/szlovakok/stefan_lami_ked_si_ja_zaspievam/pages/007_prespanky.htm (дата обращения: 18.10.2021).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Народное творчество естественным образом отражает разнообразие окружающего мира и внутренней жизни человека, обращаясь к темам из приведенных выше областей сразу на нескольких уровнях и самыми разнообразными способами. Изменения, в нашем случае, взглядов на любовь, вмешательство авторитетов в свободное решение человека и моральный контекст времени могут быть упомянуты в произведениях как незначительно и несущественно, так и весьма выразительно. В динамическом отношении между исполнителем и реципиентом внимание слушателей переносится на те детали композиции, что соответствовали временному периоду и географическим предпочтениям общества. Восприятие идеи текста подчиняется представлениям о мире и общепринятым нормам жизни согласно эпохе. В тексте также сохранена информация о мировом порядке в данной культуре в определенный исторический период. В то же время, благодаря вневременности темы, он может быть актуален и в иное время, а не только тогда, когда был создан. Народное творчество колеблется в своем отношении к общепринятым моделям и нормам, через личную историю изображая ситуации, в которых нормы как нарушаются, так и выполняются. Оно является, таким образом, отражением жизни людей в определенном времени и пространстве, их потребностей, желаний, а также законов и традиций, которые необходимо было неукоснительно соблюдать, как мы и продемонстрировали в нашей статье, сосредоточившись на основных моментах, отражающих важные периоды в жизни девушек и женщин.

Удачный брак был самым важным событием в жизни девушки в словацком патриархальном обществе даже в XX в. В иерархической системе, которая до недавнего времени сохранялась в полной мере, женщины всегда оказывались во власти мужчин, будь то отец, муж или брат. Женщина не имела права самостоятельно принимать решения. Вопрос о выборе будущего супруга решала семья или, в зависимости от обстоятельств, родители. Девушки пытались узнать, кто станет их мужем, или даже повлиять на выбор в основном с помощью магических ритуалов, о чем свидетельствует богатый и разнообразный материал о любовной магии.

Любовные песни представляют собой подходящий простор для исследования отношений между мужчинами и женщинами в описанной социальной системе, будь то отношения до заключения брака или после. В статье мы указали на диспропорцию в количестве песен, в которых поется об этих отношениях. Любовь в браке перестает представлять интерес для словацкой любовной лирики, как и женская красота, изображение которой в позитивном ключе представляет собой исключение.

Словацкие любовные песни не показывают любовь исключительно в позитивной и романтической форме. Часто изображается тайная любовь — разновидность свободной любви. Она не учитывала имущественные и иные ограничивающие факторы, которые играли важную роль при выборе

партнера на всю жизнь. Такая любовь, как поется в песнях, в большинстве случаев была непродолжительной. Несмотря на центральную тему, которой посвящены любовные песни, они не теряют чувства реальности происходящего. Потому в них мы также находим упоминания опасений из-за договорного брака, домашнего насилия, избиения женщин и страха перед жизнью в новых условиях. Особую категорию составляют песни, изображающие тяжелую судьбу матерей-одиночек, лишившихся девственности до замужества и пострадавших из-за беременности. Словацкая любовная песня описывает отношения между мужчинами и женщинами не только в контексте интимной лирики и выражения глубоких чувств, но также и в более широком — семейном и социальном контексте, не утаивая при этом негативных проявлений, которые переданы эмоционально ярко, правдиво и без прикрас. Благодаря данному типу песен сохранились не только способы описания любви, но и, в более широком контексте, описание социальной жизни женщин в системе, которая определяла их жизнь от рождения до смерти.

Перевод со словацкого А. В. Быриной

Литература

- Bocánová M.* Lúboštná mágia — magické predmety a mágia slova v archívnych materiáloch z Bošáckej doliny z druhej polovice 19. storočia // Slovácko 2020. 2021. Roč. 62. S. 47–63.
- Bocánová M., Slobodová Nováková K.* Kostolianska dolina (Teoreticko-metodologické a praktické aspekty terénneho výskumu) Trnava: UCM, 2015.
- Droppová E.* Slovenská ľudová pieseň — texty a kontexty. Bratislava: Univerzita Komenského, 2000. S. 52.
- Elsčeková A.* Slovenské ľudové spevy = Slowakische volksgesänge. Bratislava: Ústav hudobnej vedy SAV, 1995. I. diel.
- Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska / ved. red. kol. J. Botík. Bratislava: Veda, 1995.
- Elsčeková A.* Typy svadobných piesní // Slovenský národopis. 1997. Roč. 45. Č. 4. S. 382–391.
- Guzová J.* Janka Guzová spieva. 100 východoslovenských piesní. Bratislava: Slovenské hudobné vydavateľstvo, 1951.
- Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin: Matica slovenská, 2006.
- Hamar J.* Karnevalizované obrazy v ľudovej piesni // Slovenský národopis. 2017. Roč. 65. Č. 3. S. 277–279.
- Hamar J.* Komické a erotické v ľudovej piesni. Kandidátska dizertačná práca. Bratislava, 1998.
- Chudoba, chudoba, však si mi moc vina... / zost. E. Droppová-Markovičová. Bratislava: Tatran, 1988.
- Jakubíková K.* Pohlavná a veková diferenciacia v svadobných obyčajoch na Slovensku // Slovenský národopis. 1990. Roč. 38. Č. 1–2. S. 9–29.
- Kollár J.* Národné spievanky. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1953. I. diel.

- Komorovský J.* Tradičná svadba u Slovanov. Bratislava: Univerzita Komenského, 1976.
- Lábadyová N.* „Žena je len vtedy dobrá, keď je bitá“, alebo bitie ženy v reálnom živote a vo folklóre // *Žena z pohľadu etnológie* / ed. H. Hlôšková, M. Leščák. Bratislava: Katedra etnológie FF UK, SNS pri SAV, Prebudená pieseň, 1998. S. 98–107.
- Lami Š.* Keď si ja zaspievam. Zbierka slovenských ľudových piesní v Maďarsku. Budapešť: Tankönyvkiadó, 1988.
- Leščák M.* Ethische Prinzipien des Familienlebens in slowakischen Marchen // *Slovenský národopis*. 1993. Roč. 41. Č. 4. S. 448–452.
- Leščák M.* Pramene k obyčajovej tradícii a sviatkovaniu na Slovensku na konci 20. storočia. Bratislava: Prebudená pieseň, 2006.
- Marec J.* Tradičné ľudové liečiteľstvo a ľudová mágia na horných Kysuciach. Martin: Matica slovenská, 2011.
- Naprostred Hrušova. Spevník ľudových piesní / zost. A. Brložová. Hrušov: Obecný úrad, 2010.
- Návratilová A.* Erotika v konceptu tradičného rodinného života // *Erotika v lidové kultúre* / ed. P. Číhal. Uherské Hradiště: Slovákcké muzeum v Uherském Hradišti, 2017. S. 9–19.
- Sborník slovenských národných piesní, povestí, prísloví, porekadiel, hádok, hier, obyčajov a povier / red. P. Dobšinský. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1874. Sväzok 2. Sošit 1.
- Slovenské spevy / red. K. Ruppeldt. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1881. Sošit 2.
- Slovenské spevy / red. K. Ruppeldt. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1882. Sošit 3.
- Svatební rituály u nás a ve světě / ed. J. Jiroušková. Praha: NLN, 2012.
- Tradicie slovenskej rodiny / zost. M. Botíková. Bratislava: Veda, 1997.
- V širom poli studienečka / zost. J. Melicherčík. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1961.
- Veselovskij A. N.* Historická poetika. Bratislava: Tatran, 1992.
- Žena z pohľadu etnológie* / ed. H. Hlôšková, M. Leščák. Bratislava: Katedra etnológie FF UK, SNS pri SAV, Prebudená pieseň, 1998.

References

- Bocánová, M., 2021. Lúboštná mágia — magické predmety a mágia slova v archívnych materiáloch z Bošackej doliny z druhej polovice 19. storočia. *Slovácko 2020*, 62, pp. 47–63.
- Bocánová, M., Slobodová Nováková, K., 2015. *Kostolianska dolina (Teoreticko-metodologické a praktické aspekty terénneho výskumu)*. Trnava: UCM.
- Botík, J., ed., 1995. *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska*. Bratislava: Veda.
- Botíková, M., ed., 1997. *Tradicie slovenskej rodiny*. Bratislava: Veda.
- Brložová, A., ed., 2010. *Naprostred Hrušova. Spevník ľudových piesní*. Hrušov: Obecný úrad.
- Dobšinský, P., ed., 1874. *Sborník slovenských národných piesní, povestí, prísloví, porekadiel, hádok, hier, obyčajov a povier*. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská. Vol. 2. Issue 1.

- Droppová E., 2000. *Slovenská ľudová pieseň — texty a kontexty*. Bratislava: Univerzita Komenského.
- Droppová-Markovičová, E., ed., 1988. *Chudoba, chudoba, však si mi moc vina...* Bratislava: Tatran.
- Elscheková, A., 1995. *Slovenské ľudové spevy=Slowakische volksgesänge*. Bratislava: Ústav hudobnej vedy SAV. Vol. I.
- Elscheková, A., 1997. Typy svadobných piesní. *Slovenský národopis*, 45 (4), pp. 382–391.
- Guzová, J., 1951. *Janka Guzová spieva. 100 východoslovenských piesní*. Bratislava: Slovenské hudobné vydavateľstvo.
- Habovštiak, A., 2006. *Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu*. Martin: Matica slovenská.
- Hamar, J., 2017. Karnevalizované obrazy v ľudovej piesni. *Slovenský národopis*, 65 (3), pp. 277–279.
- Hamar, J., 1998. *Komické a erotické v ľudovej piesni*. Kandidátska dizertačná práca. Bratislava.
- Hlôšková, H., Leščák, M., ed., 1998. *Žena z pohľadu etnológie*. Bratislava: Katedra etnológie FF UK, SNS pri SAV, Prebudená pieseň.
- Jakubíková, K., 1990. Pohlavná a veková diferenciacia v svadobných obyčajoch na Slovensku. *Slovenský národopis*, 38 (1–2), pp. 9–29.
- Jiroušková, J., ed., 2012. *Svatební rituály u nás a ve světě*. Praha: NLN.
- Kollár, J., 1953. *Národné spievanky*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. Vol. I.
- Komorovský, J., 1976. *Tradičná svadba u Slovanov*. Bratislava: Univerzita Komenského.
- Lábadyová N., „Žena je len vtedy dobrá, keď je bitá“, alebo bitie ženy v reálnom živote a vo folklóre. In: H. Hlôšková, M. Leščák, eds, 1998. *Žena z pohľadu etnológie*. Bratislava: Katedra etnológie FF UK, SNS pri SAV, Prebudená pieseň, 1998. S. 98–107.
- Lami Š., 1988. *Keď si ja zaspievam. Zbierka slovenských ľudových piesní v Maďarsku*. Budapešť: Tankönyvkiadó.
- Leščák, M., 1993. Ethische Prinzipien des Familienlebens in slowakischen Marchen. *Slovenský národopis*, 41 (4), pp. 448–452.
- Leščák, M., 2006. *Pramene k obyčajovej tradícii a sviatkovaniu na Slovensku na konci 20. storočia*. Bratislava: Prebudená pieseň.
- Marec, J., 2011. *Tradičné ľudové liečiteľstvo a ľudová mágia na horných Kysuciach*. Martin: Matica slovenská.
- Melicherčík, J., ed., 1961. *V šírom poli studienečka*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry.
- Návratilová, A., 2017. Erotika v konceptu tradičného rodinného života. In: P. Číhal, ed., 2017. *Erotika v ľudovej kultúre*. Uherské Hradišče: Slovácké muzeum v Uherském Hradišti, pp. 9–19.
- Ruppeltdt, K., ed., 1881. *Slovenské spevy*. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská. Issue 2.
- Ruppeltdt, K., ed., 1882. *Slovenské spevy*. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská. Issue 3.
- Veselovskij, A. N., 1992. *Historická poetika*. Bratislava: Tatran.